

ПОВТОРЯЮЩЕЕСЯ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЯЗЫКА

(Рец. на кн.: Кострова О. А. Дискурсивные стереотипы : межкультурный аспект концептосферы : монография / О. А. Кострова [и др.] ; под общ. ред. О. А. Костровой. Самара : Изд-во ПГСГА, 2015. 208 с.)

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

IDENTITY IN USING THE LANGUAGE

(Review of Kostrova O. A. [et al.]. Discourse stereotypes: cross-cultural aspect of the sphere of concepts : monograph / under general editorship of O. A. Kostrova. Samara: PGSGA, 2015. 208 p.)

L. I. Grishaeva

Voronezh State University

В фокусе рецензируемой книги проблематика, которую с полным правом можно назвать вечной для лингвистических исследований – поиски ответов на вопрос, который, предельно упрощая и максимально обобщая, звучит таким образом: «Почему мы, такие разные, понимаем друг друга? Почему мы, используя средства одного и того же языка, не понимаем друг друга?».

Подобное обобщение можно сделать, выделив при прочтении книги понятия, вокруг которых концентрируется внимание исследователей-авторов монографии: стереотип, стереотипизация, прототип, инвариант, вариативность, культурный стандарт, имидж, тип/жанр текста, категория, ситуация, гетерогенность, гибридизация, концепт, дискурс. Это перечисление позволяет понять, насколько значительным является охват проблематики, нуждающейся не только в осмыслении, но и структурировании в пределах одной концепции, насколько разнородные исследовательские задачи решали авторы монографии. Задачи, несомненно, актуальны и весьма сложны, и их сложность станет более очевидной для любого непредвзятого читателя, если принять во внимание, насколько дискуссионной до сих пор остается трактовка перечисленных явлений в гуманитарных науках

вообще и в лингвистических исследованиях в частности.

Характерно, что теоретическое осмысление упомянутых феноменов обладает явной прикладной значимостью не только для лингводидактики или методологии лингвистических исследований, но и для теории межкультурной коммуникации. Отсюда ясно, почему рассуждения в книге начинаются с объяснения необходимости учитывать межкультурные различия в коммуникации (с. 6) и содержат, например, анализ письменных работ российских и немецких студентов (с. 135–146), а также описание способов обозначения террористов и террористических актов в газетном дискурсе ФРГ (с. 56–67) или же способы выражения «юмористических универсалий» в англо- и русскоязычной культурах (с. 152–163) либо способы проявления вежливости в русской и англосаксонских культурах (с. 105–113). Соответствующие разделы снабжаются к тому же социокультурными комментариями, основывающимися в том числе и на личном опыте авторов, приобретенном ими в различных ситуациях межкультурного общения. Авторы при этом убеждены: «Лингвокультурная специфичность проявляется в разных феноменах в неодинаковой степени. Неко-

торые из них близки к лингвокультурной уникальности» (с. 24).

Анализируемая книга представляет собой обобщение наблюдений над функционированием языка в разных ситуациях. Это многоаспектное, комплексное лингвистическое и вместе с тем междисциплинарное исследование единиц разной степени лингвистической сложности на материале разных языков: немецкого, английского, русского. И хотя теоретический фундамент для анализа разнороден, авторы – и прежде всего его редактор – стремятся, судя по тексту, непротиворечиво объединить постулаты разных концепций в нечто единое целое. Это стремление диктуется потребностями, осмысленными авторами анализируемого исследования на современном этапе как «задача(у) систематизировать <...> стереотипы, которые проявляются в западноевропейской письменной и устной культуре, сопоставляя их по возможности с нашими собственными представлениями» (с. 6). Поэтому не удивительно, что исследование выполнено на отдельных этапах изучения материала, весьма разнородного в тематическом, функциональном, когнитивном, лингвистическом и лингвокультурном отношении, разными лингвистическими приемами с разными предметами анализа.

Авторы «сосредоточили внимание на дискурсивных стереотипах, поскольку <...> именно дискурс дает возможность выявить то типическое, что вошло в коллективное сознание в рамках определенной культуры» (с. 6).

Центральным понятием обсуждаемой концепции следует признать когнитивно-прагматический стереотип, который авторы трактуют как «дискурсивную категорию в ментальных пространствах (концептосферах) говорящих, позволяющую вербализовать когнитивную деятельность. Эта категория имеет иерархическую структуру, на высшем уровне которой находятся ментальные репрезентации – концептуальные сгустки – некоторых инвариантов опыта, которые определяют выбор единиц более низкого уровня абстрагирования. Промежуточный уровень занимают метаязыковые понятия, с помощью которых реализуются эти концептуальные сгустки, к примеру, антропонимы, сложные предложения, жанры, а на низшем уровне находятся конкретно-языковые варианты реализации. Концептуальные сгустки разворачиваются в дискурсе в концепты, составляющие концептосферу дискурсивной стереотипности» (с. 25–26).

Книга написана ясно, богато иллюстрирована различными примерами, снабженными довольно детальными культурологическими комментариями, ориентирована на читателей с разными лингвистическими представлениями, свойственными разным лингвистическим школам. Это легко понять из мане-

ры изложения: теоретические тезисы, исходные и основополагающие для авторов, хорошо и многосторонне аргументированы, снабжены цитатами (в том числе и на языке оригинала) и многочисленными отсылками к позициям разных ученых – как ставших классиками в той или иной области лингвистического исследования или довольно известных по своим публикациям, так и еще мало известных в лингвистических кругах. Стиль книги характеризуется также тем, что при формировании своего теоретического фундамента авторы не пренебрегают критичностью анализа, выражая однако свое несогласие с той или иной позицией корректно по форме и аргументированно по содержанию, обосновывая свою критику в опоре на свойства, имманентные изучаемому феномену, и поэтому внутренне непротиворечивой. В многоаспектном исследовании, выполняемом на весьма разнородном эмпирическом материале, сделать это, естественно, не так легко, однако в целом данную задачу авторам удается довольно успешно решить.

Причиной сказанному, по всей вероятности, является глубокое осмысление исследовательского опыта, о чем свидетельствует, например, список опубликованных ранее статей авторов по теме монографии на с. 206, с одной стороны. С другой стороны, подтверждением данного тезиса служит также богатый список источников примеров (с. 188–191), список изученных словарей (с. 191–192), а также список использованной литературы на разных языках (с. 192–206), содержащий классические и новейшие труды по лингвистике в ее разных версиях, психологии, социологии, философии, а также лингвокультурологии, психолингвистике, социолингвистике, когнитивной лингвистике и другим междисциплинарным направлениям, предмет изучения которых – человек, по-разному использующий в разнообразных условиях в своей деятельности разнородные языковые средства.

Исследование имеет имплицитно-двухчастную структуру: сугубо теоретическую и акцентированно эмпирико-теоретическую. Первая представляет крупными мазками концепцию, лежащую в основе всех этапов исследования, вторая обобщает результаты описания разноуровневых языковых средств, что, с одной стороны, можно воспринимать как иллюстрацию к тем или иным теоретическим положениям, а с другой – как источник для осмысления наиболее значимых закономерностей, предъявляемых в качестве тезисов защищаемой в книге концепции.

Книга содержит предисловие (с. 6–7), шесть глав (с. 8–185), заключение (с. 185–188) и уже названные списки литературы (с. 192–206) и источников примеров (с. 188–192).

О замысле и его воплощении можно судить по названию глав и разделов, отдельные из которых,

особенно в четвертой и пятой главе, очень дробятся по разным основаниям.

В первой главе «Когнитивно-прагматические стереотипы» (с. 8–26), разделенной на пять разделов, изучаются стереотипы в их сопоставлении с имиджем, предрассудками, описываются универсалии, концепты и культурные стандарты, выявляются характеристики инвариантов и прототипов, а также обосновывается необходимость изучения такого явления, как дискурсивная стереотипизация языкового сознания, и называются категориальные признаки дискурсивных стереотипов.

Вторая глава под названием «Когнитивно-прагматические стереотипы в дискурсивных проявлениях» (с. 26–39) уточняет положения, изложенные в первой главе, акцентируя признаки описываемого явления, которые в обсуждаемой концепции считаются прототипическими. Здесь же представляется и методика исследования.

В третьей главе «Стереотипность сущностных номинаций и категорий в разных лингвокультурах» (с. 39–67) довольно подробно описывается такое явление, как сущностная номинация применительно к разным категориям, в том числе и антропонимам, топонимам, а также к терроризму.

Глава четвертая «Стереотипность когнитивно-прагматических ситуаций» (с. 67–113) наряду с трактовкой понятий «когнитивно-прагматическая ситуация» и «стереотипная ситуация» содержит описание разных типов ситуаций (аргументирующие, а также темпоральной упорядоченности, темпоральной равноположенности, воспоминания и планирования) в разных типах дискурса (объективированном, персональном, научном). Обсуждается в том числе и прототипическое выражение вежливости в русской и англосаксонской культурах.

Пятая глава «Стереотипность жанра» (с. 113–163) посвящена обоснованию и раскрытию понятия «стереотипность жанра», рассматриваемых с разных позиций, в том числе и в плане соотношения гибридности и гетерогенности, а также проявления свойств изучаемого феномена в письменном научном дискурсе в разных культурах, в медиапространстве, в людической (юмористической) коммуникации.

Глава шестая имеет название «Процессуальная стереотипизация» (с. 163–185) и концентрирует внимание читателей на процессах создания научного текста, на стереотипах презентации научного доклада, на организации метадискурса, а также на адаптации библейского дискурса для детской аудитории.

Заключение подводит итоги наблюдениям и размышлениям, констатируя: «Изучение стереотипов в разных дискурсивных проявлениях позволило очертить концептосферу дискурсивной стереотипности, в рамках которой наряду с универсальными чертами

обнаруживаются значимые межкультурные различия» (с. 185).

Таким образом, очевидно, что в основе рецензируемой монографии – авторское видение функционирования/использования языковых средств в процессе деятельности человека как носителя языка и культуры в разных ситуациях общения. Поэтому ясно, что многие читатели – особенно те, кто имеет собственные представления об изучаемом феномене – не смогут разделить воззрения авторов и их методику анализа того, что авторы называют дискурсивными стереотипами. Однако нет сомнения в том, что именно в дискуссионности предложенных интерпретаций явлений, активно обсуждаемых в специальной литературе, следует видеть основное достоинство анализируемой концепции.

Другое достоинство и вместе с тем явное преимущество заключается в том, что книга Ольги Андреевны Костровой и ее коллег и соавторов побуждает к размышлениям и порой к переосмыслению принятых в лингвистических кругах на сегодняшний день теоретических позиций относительно принципов выбора языковых средств и методики их анализа и описания, а также принципов формирования теоретических обобщений, сделанных по ходу изучения соответствующих процессов и их результатов.

Весьма благоприятное впечатление оставляют размышления авторов относительно современного отечественного лингвистического образования на фоне немецкого. При этом отрадно то, что авторы не впадают в критиканство и/или апологетику той или иной образовательной системы, а предметно анализируют академические задачи и способы их решения сейчас, намечая пути их оптимизации на будущее.

Несмотря на очевидную теоретическую ценность и прикладную значимость анализируемого издания, нельзя не высказать ряд замечаний и пожеланий авторскому коллективу, которые могут им помочь в подготовке второго издания книги или же при реализации намеченных ими перспектив.

Не совсем удачным представляется название монографии, поскольку до сих пор неясным и достаточно дискуссионным остается понятие «концептосфера», трактовку которой в общем как совокупность концептов или как нечто подобное вряд ли можно поставить под сомнение ввиду высокой степени обобщения и неопределенности. Однако и сегодня не предложен убедительный и научно верифицируемый принцип, как выявить конституирующие параметры названного феномена, чтобы корректно сопоставлять культурно специфические концептосферы, какими приемами и способами их описывать и верифицировать, какой эмпирический материал следует признать адекватным соответствующим теоретическим и прикладным задачам. Кроме того, есть точка зрения,

согласно которой структура любой картины мира – или же концептосферы – не может не быть по определению культурно специфической, поскольку этот комплекс гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных сведений о мире складывается в конкретной культурной среде. Поэтому вряд ли правомерно выделять при анализе концептосферы как комплекса разнородных сведений о мире межкультурный аспект анализа как нечто особенное, что можно строго, обоснованно и безупречно отделить от иных характеристик изучаемого явления.

Проблемным представляется вынесение в заглавие книги понятия «дискурсивный стереотип», хотя, по всей видимости, именно такой ход можно признать весьма удачным рекламным действием, так как для многих исследователей-лингвистов словосочетание «дискурсивный стереотип» будет восприниматься как импульс к предметной дискуссии.

Ряд терминов, обсуждаемых авторами, активно используется не только в научном, но и в бытовом общении. Это касается прежде всего термина «стереотип». Стереотип можно анализировать, естественно, под разными углами зрения, о чем и говорят авторы монографии, критически осмысляя разные дефиниции этого феномена, абсолютно оправданно стремясь максимально полно проследить различие между научным и бытовым пониманием стереотипа. Однако по ходу размышлений свойства стереотипа, предопределяющие понимание стереотипа в бытовой коммуникации, нередко вытесняют принятую за основу научную трактовку феномена; ср.: «<...> гетеростереотипы приобретают оценочный характер, позитивный или негативный. Так, стереотип вежливости в сознании западноевропейцев по отношению к русским скорее негативный, а тот же стереотип в сознании русских по отношению к западноевропейцам скорее позитивный» (с. 186). Вряд ли целесообразно говорить о «приобретении стереотипом оценочности в дискурсе» – стереотипы бытуют в конкретной культуре либо как нейтральные, либо как оценочные (позитивные или негативные); они в культуре такие, какими они сложились. Аксиологическая характеристика стереотипа может в разные периоды бытования одной конкретной культуры, естественно, меняться, но вряд ли справедливо говорить, что у одного и того же стереотипа (?) в разных культурах разные аксиологические характеристики: в каждой культуре набор стереотипов свой. Стереотипы – это всегда социокультурно релевантное знание, и целесообразно последовательно различать следующие факторы анализа: 1) когнитивные параметры стереотипов как комплексов сведений о мире; 2) их когнитивную структуру; 3) форму их объективации с помощью невербальных и вербальных средств в тех или иных условиях; а также 4) способ

их бытования (объективируемое знание или выводное знание) при решении носителями языка и культуры конкретных коммуникативных и когнитивных задач.

Хотелось бы большей структурированности в изложении, более последовательного акцентирования наиболее значимых для концепции положений, так как разный эмпирический материал – лексемы определенной семантики (антропонимы, топонимы разных семантических классов, так называемые существительные номинации типа *Ein Indianer (weint nicht)*, *Ein Trabi (ist besser als gar kein Auto)*, *Wir Ostfrauen (sind eigentlich viel cleverer in vielen Dingen)*, *Wir Italiener (singen und lachen gerne)* и т. д.), сложные предложения, части которого связаны единицами разной логической семантики, микротексты, тексты определенного типа – анализируются разными способами и с помощью нетождественных приемов. При этом выводы как содержательные акценты формулируются, к сожалению, не после каждой главы. Большую прозрачность в этом контексте можно только приветствовать.

Желательно было бы сформулировать концепцию в целом хотя бы в заключении более очевидно, в форме лаконичных тезисов, поскольку в книге обсуждаются весьма сложные вопросы, имеющие, как уже отмечалось, остро дискуссионный характер.

Не всегда убедительны обоснования терминологических предпочтений, например, относительно термина «жанр» вместо «тип текста». Ср.: «В отечественной традиции в связи с неприемлемостью терминологического сочетания “сорт текста” они называются жанрами, утрачивая тем самым утилитарную специфику и растворяясь в более общем понятии, включающем и художественные жанры. Смена термина вписывается в ментальное пространство русского этноса, в котором присутствует “философия всеединства”» (с. 187). Думается, вряд ли целесообразно столь прямолинейно и однозначно связывать терминосистему в теории текста с особенностями философии либо с этническими характеристиками носителей языка и культуры, тем более что есть и иные объяснения терминологическим предпочтениям тех или иных исследователей в конкретной теоретической области.

Наконец, весьма полезным было бы указание на авторство глав и разделов. Понятно, что информация о публикациях авторов обсуждаемой монографии на с. 206 сообщает об этом в неявной форме, однако все-таки специальный абзац в предисловии был бы отнюдь не лишним.

Подводя итог анализу монографии О. А. Костровой «Дискурсивные стереотипы: межкультурный аспект концептосферы», можно с уверенностью сказать, что данная книга вызовет несомненный интерес и лингвистов, и философов, и специалистов в

области межкультурной коммуникации, побуждая всех заинтересованных исследователей к предметной

дискуссии относительно важнейших для всех гуманитариев вопросов.

*Воронежский государственный университет
Гришаева Л. И., доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Voronezh State University
Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the German Philology Department
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Поступила в редакцию 15 декабря 2022 г.
Принята к публикации 27 марта 2023 г.*

*Received: 15 December 2022
Accepted: 27 March 2023*

Для цитирования:

Гришаева Л. И. Повторяющееся в использовании языка (Рец. на кн.: Кострова О. А. Дискурсивные стереотипы : межкультурный аспект концептосферы : монография / О. А. Кострова [и др.] ; под общ. ред. О. А. Костровой. Самара : Изд-во ПГСГА, 2015. 208 с.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 151–155. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/151-155>

For citation:

Grishaeva L. I. Identity in using the language (Review of Kostrova O. A. [et al.]. Discourse stereotypes: cross-cultural aspect of the sphere of concepts : monograph / under general editorship of O. A. Kostrova. Samara: PGSGA, 2015. 208 p.). Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2023. No. 2. Pp. 151–155. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/151-155>